

Лян Цю поначалу собирался отвезти Шэнь Няня куда-нибудь поесть, чтобы хоть как-то отвлечь того от мрачных мыслей. Но тот выглядел совсем уж безучастно, словно живой труп. Не став настаивать, Лян Цю поймал такси и повез друга к себе.

По дороге он черкнул сообщение матери, Су Сяосяо: попросил её вместе с отцом куда-нибудь уйти и не возвращаться до вечера.

Он отлично знал Шэнь Няня. В такие минуты тот меньше всего хотел видеть чью-то жалость — чужое сострадание лишь заставляло его чувствовать себя ничтожным. Хотя жалеть его действительно было за что.

Выбравшись из машины, Шэнь Нянь понял, куда они приехали, и замялся.

Лян Цю усмехнулся:

— Дома никого.

Только тогда Шэнь Нянь сбросил оцепенение и пошел вслед за другом вверх.

Квартира и впрямь пустовала. Лян Цю достал гостевые тапочки, протянул другу и поинтересовался:

— Приляжешь с дороги? Или, может, перекусим? Могу сбегать за чем-нибудь или состряпать на скорую руку. Правда, кулинар из меня так себе.

Шэнь Нянь поднял на него усталый взгляд:

— Я бы хотел принять душ.

Шэнь Нянь отличался некоторой педантичностью в вопросах чистоты. Позади был тяжелый день: падение, больница... Вся эта грязь наверняка доставляла ему почти физический дискомфорт.

— Понял. Сейчас принесу пижаму. Твои вещи всё ещё у меня, хотя ты сто лет не оставался с ночевкой — вдруг уже малы?

Сменный комплект одежды Шэнь Няня действительно хранился у Лян Цю — тот изредка ночевал у друга, и чтобы не одалживать чужие вещи, завел собственный комплект. Впрочем, Лян Цю не соврал: Шэнь Нянь не заходил слишком давно, и эта одежда осталась ещё с прошлого года.

Взяв пижаму, Шэнь Нянь направился к ванной, но у самых дверей Лян Цю окликнул его:

— Постой, тебе же нельзя мочить руку! Давай хотя бы пищевой пленкой замотаю?

Действительно, бинт на ладони Шэнь Няня, хоть его и перевязали в больнице, снова насквозь пропитался алой кровью. Лян Цю покрутил в руках рулон пленки, так и не сообразив, как подступиться к ране, и махнул рукой:

— Ладно, мойся так. Все равно придется заново перевязывать. Ты как вообще умудрился её снова расковырять?

Шэнь Нянь опустил глаза и тихо произнес:

— Я дал Гу Чжи пощечину.

— А? — Лян Цю поперхнулся, решив, что ослышался. — Что ты сказал?

Шэнь Нянь не стал повторять. Он просто поднял взгляд, и Лян Цю по его абсолютно серьезному лицу понял — это не галлюцинация.

В первую секунду ему захотелось со всей дури хлопать Шэнь Няня по плечу, но, опасаясь задеть рану, он изо всех сил хлопнул себя по бедру:

— И правильно сделал!

— Правда, в следующий раз оставь это мне, — тут же добавил он. — У тебя рука повреждена, да и сил маловато. Этому маленькому психопату давно пора пересчитать ребра! Уж я-то врежу как следует.

Шэнь Нянь слабо усмехнулся:

— Договорились. Если представится случай, обязательно тебя позову.

Глядя на его натянутую улыбку, Лян Цю вздохнул и взъерошил другу волосы:

— Какое ещё «в следующий раз»? Не будет никакого следующего раза. Он больше к тебе и на шаг не подойдет, а попытается — размажем.

— Хорошо, — отозвался Шэнь Нянь.

Пока Шэнь Нянь мылся, Лян Цю не сидел сложа руки — он отправился в местную амбулаторию за медикаментами. По дороге снова набрал Су Сяосяо, предупредив, чтобы родители пока не возвращались и переждали где-нибудь еще. Тётушка Су не знала деталей, но по тревожному тону сына догадалась: произошло что-то серьезное.

— С Сяо Нянем все в порядке? — обеспокоенно спросила она.

Лян Цю, как раз подошедший к дверям клиники, поднял глаза к небу и тихо произнес:

— Мам... Вот даже ты, чужой по сути человек, беспокоишься о нем и знаешь, что он хороший парень. Почему же дядя Шэнь этого не видит?

Су Сяосяо замялась, не зная, что ответить. Лян Цю не стал ждать реакции и, бросив короткое «мне пора», отключился.

Купив нужные лекарства и подробно расспросив врача о перевязке, Лян Цю направился обратно. По пути зашел за едой — взял несколько легких диетических блюд, ведь острой пищи Шэнь Няню сейчас было нельзя. Он понимал, что у того вряд ли есть аппетит, но все равно набрал всего понемногу.

Когда он вернулся, Шэнь Нянь уже вышел из душа и теперь с растерянным видом держал в руках снятый окровавленный бинт, не зная, куда его деть.

— Бросай в мусорку, — Лян Цю поставил пакеты. — Я потом сам всё вынесу.

Шэнь Нянь опасался оставлять окровавленные перевязочные материалы в открытом ведре — вдруг вернутся родители Лян Цю и испугаются. Но, услышав обещание друга, успокоился: выбросил бинт и прикрыл его сверху парой бумажных салфеток.

Лян Цю только качнул головой от такой деликатности и уселся на диван:

— Иди сюда, обработаю.

Шэнь Нянь присел рядом и протянул руку. Порезы от воды разбухли и побледнели по краям, выглядело это жутковато.

Лян Цю взглянул на него:

— Больно?

— Нет.

— Душа болит сильнее, да? — Лян Цю осторожно начал промывать рану антисептиком. — Няньнянь, на твоём месте любому было бы паршиво. Не держи в себе. Хочешь поплакать — плачь, я смеяться не стану. Черт, да я сам готов взвыть.

— Не хочу, — качнул головой Шэнь Нянь. — Не о чём тут плакать.

Голос его звучал абсолютно ровно, словно весь этот кошмар произошёл не с ним. Лян Цю посмотрел на него сочувственно, но расспрашивать больше не стал. Закончив обработку, он нанес мазь и аккуратно забинтовал ладонь:

— Смотри, больше не мочи. Инфекция — это тебе не шутки.

— Ладно.

Затем Лян Цю достал разогревающий бальзам и похлопал себя по колену:

— Давай сюда ушиблённую ногу, растирать будем.

Шэнь Няню было неловко перекладывать на него свои заботы, он потянулся за флаконом:

— Я сам.

Лян Цю спорить не стал, поднялся и забрал пакеты с едой:

— Как закончишь, иди на кухню, поедим.

— Хорошо, — в очередной раз отозвался тот. Кажется, ничего другого он сейчас выговорить просто не мог.

За обедом Шэнь Нянь едва притронулся к еде, как Лян Цю и предполагал. Впрочем, и тому, что он съел хоть пару ложек, Лян Цю уже был рад: после подобного потрясения вообще удивительно, что человек способен проглотить хоть кусок. Окажись сам Лян Цю в такой ситуации, он бы уже сидел в поезде, уносящем его на другой конец страны.

Лян Цю то и дело бросал на него обеспокоенные взгляды. Шэнь Нянь, хоть и смотрел в свою тарелку, отлично это чувствовал. Не заставляя друга мучиться в догадках, он тихо произнес:

— Гу Чжи сделал это намеренно.

Лян Цю замер, а в следующую секунду с треском отбросил палочки:

— Намеренно?! Специально устроил аварию?! Этот паршивец совсем из ума выжил?! Если ему жить надоело, при чем тут ты?! Или он специально хотел тебя укокошить?! Ну и урод... Я знал, что он с приветом, но чтобы настолько! Чего он вообще добивается?!

В момент, когда Шэнь Нянь догадался о правде, его жгла точно такая же ярость — потому он и влепил мелкому гаду пощечину. Но сейчас гнева не осталось. Он обрел тоскливую хладнокровность и мог говорить об этом без дрожи в голосе:

— Его целью был не я. Мой отец.

Заметив недоумение на лице Лян Цю, Шэнь Нянь продолжил:

— Он пошел на этот шаг только для того, чтобы заставить отца вернуться. С самого первого дня, как он появился в нашем доме, он невзлюбил меня. Он прямо сказал: держись подальше от Шэнь Чуншаня. Ему не нравилось, когда мы общались, не нравилось, когда отец проявлял ко мне хоть какую-то заботу.

Шэнь Нянь вкратце пересказал, как странно и вызывающе вел себя Гу Чжи все это время.

— Я... — Лян Цю долго подбирал слова, но так и не смог выразить всю глубину своего шока. Он бессильно откинулся на спинку стула и пробормотал: — Я просто не могу этого понять.

— А я, кажется, понимаю, — Шэнь Нянь посмотрел на него с тихой печалью. — Ему катастрофически не хватает любви. И когда появился человек, который стал о нем заботиться, он захотел присвоить его полностью. Ни с кем не делиться. Обычная болезненная собственническая жилка.

Лян Цю понадобилось пару секунд, чтобы оправиться от изумления, после чего он выдохнул:

— Тебе, между прочим, тоже любви не хватало!

Никто не знал лучше Лян Цю, в каких условиях рос Шэнь Нянь. Но Шэнь Нянь, невзирая на холодность родителей, не превратился в чудовище — он остался мягким, добрым и отзывчивым человеком. Если бы каждый обделенный теплом ребенок вел себя как Гу Чжи, этот мир давно бы рухнул.

Шэнь Нянь не стал отрицать, что сам обделен любовью. Лишь горько усмехнулся.

Лян Цю помолчал, всё ещё не в силах уложить услышанное в голове:

— Но это же твой отец! Не его!

Шэнь Нянь кивнул:

— Верно. Но Гу Чжи прекрасно видел, каков наш уклад. Если бы у нас с отцом были действительно крепкие, тёплые отношения, он бы не рискнул пойти на такое. По крайней мере, не раскрыл бы карты в первый же день. Он пошел на крайность именно потому, что разглядел: наша связь с отцом сухая и хрупкая, как высохшая ветка.

— Это нельзя так оставлять! — Лян Цю от возмущения потерял аппетит. — Слишком уж несправедливо! Мы должны рассказать обо всем дяде Шэню! Пусть узнает, какую гадину пригрел на груди!

Шэнь Нянь посмотрел на него молча. И в этом взгляде Лян Цю мгновенно прочитал страшную отгадку:

— Ты... уже сказал?

— Угу, — Шэнь Нянь опустил голову, ковыряя палочками рис. — Он не поверил.

— Значит, из-за того, что ты попытался разоблачить Гу Чжи, твой отец поднял на тебя... — Лян Цю не договорил. Сердце у него разрывалось от жалости к другу.

Но Шэнь Нянь, казалось, переболел этим. Он даже выдавил из себя подобие улыбки:

— Я ударил Гу Чжи. Отец хотел отвесить мне ответную пощечину. Если подумать, вполне логично.

— Что значит «логично»?! — Лян Цю вспыхнул и резко вскочил. Стул с грохотом повалился на пол, но он даже не обратил внимания, принимаясь метаться по кухне. — Ты съездил этому гаденышу по заслугам! Он сам напросился! Ты-то в чем виноват?! С какой стати Шэнь Чуншань поднимает на тебя руку?! Гу Чжи ему что, родной сын?!

Шэнь Нянь поднялся, аккуратно поставил стул на место и тихо проговорил:

— Не знаю.

Будь Гу Чжи просто сыном старого друга, Шэнь Чуншань вряд ли баловал бы его до такой степени. С Ю Сяюэ у него были нормальные отношения — без безумной страсти, но вполне уважительные. Однако Шэнь Нянь знал: он ему не родной. И если бы у Шэнь Чуншаня действительно была на стороне женщина и внебрачный сын, в этом не было бы ничего удивительного. Он мог бы просто сказать правду.

Боялся, что Шэнь Нянь не справится с ударом? Или берег репутацию праведника?

Шэнь Нянь не знал ответов, да и разгадывать чужие тайны у него больше не было сил.

Как бы там ни было — ему всё равно. Теперь это его не касается. Пусть они связаны какими угодно узами, пусть живут как знают — он больше не станет вмешиваться.

Спокойствие Шэнь Няня не передалось Лян Цю. Тот продолжал кипеть от злости, сгорая от чувства несправедливости за друга. Оставить всё как есть казалось ему невыносимым, но и реальных способов проучить Гу Чжи и Шэнь Чуншаня у него не было.

Избить? Так Гу Чжи и без того в больнице валяется.

— Нет, так не пойдет, — пробормотал Лян Цю. — Твой отец обязан узнать, кто такой Гу Чжи на самом деле. Держать под боком такого гаденыша просто опасно! Дядя Шэнь не поверил тебе только потому, что у тебя не было доказательств. Нам просто нужно их найти! Когда будут факты, ему придется поверить!

Шэнь Нянь молчал. По его взгляду Лян Цю понял: план так себе. Если Шэнь Чуншань закрыл глаза один раз, то и с уликами он найдет Гу Чжи оправдание. Спишет все на «трудное детство» и станет опекать еще усерднее.

Лян Цю тяжело вздохнул.

Сегодняшний день вымотал их до предела. Шэнь Нянь только-только пришел в себя, и вываливать на него новые переживания Лян Цю не хотел.

— Ладно, проехали, — Лян Цю изобразил улыбку и уселся обратно. — Что-нибудь придумаем. Поживешь пока у меня несколько дней, а там видно будет.

Шэнь Нянь действительно не хотел больше об этом думать. Он лишь кивнул:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/20601/2131053>